

Религиозно-философская практика Аскезы в современном мире

Аннотация. В статье рассматривается религиозно-философская практика аскезы как способ заботы о себе, который направлен на обретение внутренней гармонии через освобождение от влияний ложных ценностей и социальных предрассудков массового общества.

Ключевые слова: практика аскезы, забота о себе, ценности.

Забота о себе предполагает отстаивание своей внутренней независимости. Многие мыслители считали, что путь к внутренней независимости лежит через подавление желаний и влечений, следовательно, обретение внутренней свободы предполагает аскетический образ жизни. Первоначально древние греки под аскезой подразумевали тренировку атлетов, но впоследствии значение этого слова начинает применяться для обозначения пути к нравственному совершенству. Например, стоики понимали аскезу как «упражнение в добродетели», такое же значение это слово имеет в христианской культуре. Аскеза необходима для того, чтобы через добровольное самоограничение, проявив терпение, путем строгой самодисциплины достигнуть нравственного очищения от суетных желаний, страстей, привязанностей, ложных страхов. Аскеза способствует возвышению человеческой души в иерархии духовных ценностей. Она является путем освобождения от власти материальных благ, сковывающих человека путами вещиизма.

Данное понимание аскезы актуально и для современной культуры, чтобы сохранить себя, необходимо сопротивляться натиску желаний, навязываемых обществом потребления. Сопротивление осуществляется благодаря волевым усилиям. Волевой тренинг ведет к высвобождению духовной энергии, дающей человеку не только власть над своими желаниями, но также способность сопротивляться всем проявлениям современной потребительской, гедонистической по своей сути культуры. Человек обретает духовную крепость и независимость от власти соблазнов мира [1, с. 134].

В современном обществе, где желания человека обретают коммерческую направленность, аскеза служит действенным способом борьбы с искусственно навязываемыми потребностями. Массовое общество как бы выносит человека на поверхность культуры, скрывая истинные ценности и существенно деформируя «естественный» процесс становления личности. Господствует опасная тенденция отождествления человеческого Я с тем, что является знаком социального успеха: уровнем дохода и высоким социальным положением. Однако данные знаки-симулякры скрывают истинное содержание общественной жизни. Потребление знака, отождествление себя с ним в силу его открытости, доступности и внешней привлекательности создает иллюзию «легкости» жизни, скрывает истинные механизмы социальных отношений. Вместо налаживания действительно продуктивных и адаптивных социальных взаимодействий, требующих раскрытия духовного и экзистенциального потенциала личности, индивид просто «потребляет» социальные отношения, симулирует их, примеряя на себя те или иные социальные маски, не задумываясь о собственном жизненном призвании. В этом случае аскетизм может стать практикой утверждения личной свободы, практикой аутентичности.

Современный мир будит в человеке безудержные желания, которые могут расти до бесконечности, если их удовлетворение измерять количественными показателями (например, уровнем дохода). Пробуждая стремление к «сверхпотреблению», современная массовая культура порождает в сознании человека разрушительное противоречие между принципом наслаждения (стремлением к удовольствию) и принципом реальности. Противоборство данных принципов выражается в том, что для человека массовой культуры понятие успеха отождествляется с достижением максимума удовольствия, т.е. стремление к удовольствию, по сути, превращается в императив жизни. Однако принцип реальности ставит этому стремлению жесткий предел, следовательно, чувство неудовлетворенности становится постоянным спутником современного массового человека, зачастую эта неудовлетворенность переживается невротически [3]. Доступность знаков-симулякров создает иллюзию доступности удовольствий, однако этого не происходит в силу того, что их реальный источник находится не вовне, а внутри. Удовольствие нельзя присвоить и потребить, оно переживается. Глубина и полнота этого переживания требует определенных личностных качеств, которыми, как правило, индивид не обладает. А чтобы ими обладать нужно в себе их воспитывать. Это требует усилий, труда. Дефицит этих качеств – вот истинная причина недовольства собой.

Недовольство собой – это также результат внутриличностного конфликта между «Я-реальным» и «Я-идеальным». В условиях массового общества «Я-идеальное» заменяется совокупностью социальных стереотипов и предубеждений о том, каким должен быть успешный человек. Практика аскезы помогает человеку разобраться в себе, соотнести свои возможности с фактическим положением дел, соотнести свои требования к жизни с требованиями к себе. В этом случае отказ от потребностей и чрезмерных желаний, которые невозможно удовлетворить, является действенной стратегией обретения духовной зрелости. Такое умение довольствоваться малым древнегреческий философ Эпикур рассматривал в качестве главной добродетели. Примечательно то, что для него сведение удовольствий к минимуму не является обязательным предписанием. «Мы, – пишет Эпикур, – стремимся к ограничению желаний не для того, чтобы всегда употреблять

пищу дешевую и простую, но чтобы не бояться этого» [4, с. 229]. Умеренность в желаниях не является благом самим по себе, благо то, что посредством нее достигается, – душевное спокойствие. Человек с умеренными потребностями сохраняет самообладание, не паникует даже в тех случаях, когда вынужден довольствоваться малым. Таким образом, в аскетической практике господство над желаниями и страстями, привязывающими к «поверхности» жизни, – это только средство для достижения конечной цели – внутренней гармонии, душевного спокойствия, бесстрашия.

В этом смысле «забота о себе» предполагает также преодоление ложных социальных предрассудков – еще одного источника страхов. Социальные предрассудки подчиняют разум и волю человека, подавляют его способность свободно мыслить, гармонично взаимодействовать с миром. В конечном итоге, они провоцируют внутренний конфликт, который вырастает из противоречия между «принципом удовольствия» и «принципом реальности».

Борьба с предрассудками начинается с прояснения того, что для самого человека является главной ценностью. Человек зачастую не отдает себе в этом отчета, увлеченный заманчивыми образами и образцами «правильной» жизни, пропагандируемыми массовой культурой. Например, принято, что социальное и психологическое взросление личности регламентируется определенными социальными институтами. Сначала человек должен окончить школу, потом поступить в вуз, потом начать работать, потом создать семью, потом родить детей и т.д. Если течение жизни индивида не соответствует этому «расписанию», ему может казаться, что что-то в его жизни «неправильно», он чувствует нарастающую тревогу и вину по этому поводу, а также по поводу того, что ему кажется, что его образ жизни вызывает недоумение, сожаление или осуждение большинства людей. Зачастую индивид стремится оправдаться перед другими людьми и собой и тем самым еще более усугубляет свое несчастное положение. Его все глубже засасывает пучина социальных предрассудков, и он все дальше отдаляется от понимания того, в чем заключается ценность его собственной жизни.

Понимание ценности жизни не дается извне, оно интуитивно постигается из внутренней пустоты, когда человек, прислушиваясь к себе, может обнаружить, что реальное содержание его жизни наполняют иные источники. Эти источники питает иррациональная «воля к жизни», бессознательные побуждения, безотчетные стремления души, осознать которые человеку не дано, он осознает лишь их последствия. Человеку кажется, что он поступает осознанно и свободно, на самом же деле неразумная воля влечет его по жизни в неведомом направлении, однако она и питает его жизненный источник. Недоверие к жизни наполняет ее страхом, ненавистью и отчаянием, так как индивид осознает, что не принадлежит самому себе, хотя на самом деле он просто очень узко мыслит свое существование и ему кажется, что в этих масштабах можно контролировать все проявления жизни. Ошибочность этого тезиса приводит его к осознанию своей неподлинности.

Состояние неподлинности – это усредненное, банальное, повседневное существование человека. Находясь в этом состоянии, человек мыслит себя вещью, отдельной частью материального мира. Неподлинность проявляется в бессознательном стремлении нивелировать свой специфический способ проживания бытия, стать таким же, как другие, бездумно и безоговорочно принять общественные установки [5, с. 259]. М. Хайдеггер считает, что почувствовав вину за собственное существование, оставленное на волю случая, человек должен включиться в борьбу за подлинность. Борьба за подлинность предполагает осознание свободы и ответственности за присутствие в бытии. Человек должен понять, что только он является творцом собственной жизни. Психологическая зрелость индивида предполагает отказ от иллюзорной веры, что кто-то другой направляет, охраняет и оберегает его существование. Осознание этого всегда сопровождается переживанием одиночества. Человек абсолютно одинок в выборе ценностей, идеалов, способов их воплощения.

М. Хайдеггер отмечает, что одиночество является наиболее благоприятным состоянием для поиска подлинности. В уединении человек освобождается от негативного влияния Другого, который может уводить от самости пустыми разговорами [5, с. 336]. Практика аскезы – это практика уединения, необходимая для самоуглубления и прояснения собственного существования, концентрации жизненного опыта и обнаружения главных личностных ценностей. Одиночество позволяет прислушиваться к самости, открывает духовное богатство, тогда как погруженность в социальную среду обедняет и обезличивает.

Современные люди мало времени проводят наедине с собой, они часто включены в поверхностные, утилитарные отношения, отдаляющие их от самих себя и других. Принудительное обезличенное общение не дает человеку удовлетворения. В этом случае аскетическая сосредоточенная позиция помогает уберечься от неподлинной коммуникации. Важно чтобы человек не превращал Другого в средство для спасения самого себя. При таком отношении индивид никогда не сможет выйти за границы своего Эго. Как пишет Н. А. Бердяев «человек остается замкнутой монадой, ищущей спасения», между ним и Другим не произойдет реальное общение, так как он не проникнет в тайну личности Другого [2, с. 412]. Дисциплинируя ум и чувства, человек учится глубокому и проникновенному общению, осознает его ценность. Подлинная коммуникация помогает «просветлению экзистенции», открывает человеку его уникальность. Проникновенное общение с другими людьми может служить стимулом для духовного преображения человека, поэтому задача индивида – переводить общение на сокровенный, экзистенциальный уровень, на котором не допускается пустословие и сохраняется внимание к другому человеку.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика. 1995. 375 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика. 1994. 480 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет. 1995. 311 с.
4. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М. : Государственное издательство политической литературы. 1995. 239 с.
5. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.

Бугров К. Д.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОМ XVIII В. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Аннотация. Статья анализирует политическую роль жанра церковной проповеди в России XVIII в. Основными риторическими стратегиями политической проповеди являлись провиденциализм и сакрализация монарха. Именно церковные авторы осуществляли легитимацию дворцовых переворотов и реформы местного управления 1770-х гг.

Ключевые слова: политическая мысль, проповедь, Просвещение, монархизм, провиденциализм, Россия XVIII в.

Российская социально-политическая мысль Нового времени обычно трактуется исследователями как феномен по преимуществу секулярный, как процесс развертывания ценностей европейского Просвещения на российской интеллектуальной почве. Соглашаясь с тем, что трансфер европейских идей имел определяющее влияние на пути развития отечественной интеллектуальной традиции XVIII столетия, мы все же должны подчеркнуть: чрезмерным упрощением будет рассматривать данные процессы как триумфальный ход секуляризации. Религиозная составляющая в отечественной политической культуре Нового времени оставалась сильной, устойчивой, она продуктивно взаимодействовала с европейскими интеллектуальными инновациями.

Бытовала эта политическая мысль в оригинальном жанре – церковной проповеди (мы имеем в виду жанр в бахтинском смысле – как коммуникацию между адресатом и адресантом, определяемую их статусами). Проповедь, обычно представлявшая собой устный текст, который произносился представителем высшего слоя церковной иерархии в торжественной обстановке перед слушателями, относившимися к элите Российской империи, получала вторую жизнь как текст широкого использования, будучи опубликованной. При Елизавете Петровне издание проповедей, произносимых при дворе, станет обязательным. Обычно проповеди такого толка комбинировали библейскую образность (с опорой на аналогии и уподобления) с панегирическими похвалами по адресу монарха. Аналогия и похвала переплетались, формируя своеобразный язык для разговора о политике. Конечно, пышные аналогии носили риторический характер и вроде бы не подразумевали буквального толкования. Но, в конечном счете, как справедливо отмечают В. М. Живов и Б. А. Успенский, «размежевать религию и гражданский культ монарха оказалось невозможным. Напротив, панегирические тексты прочитывались буквально и служили дополнительным источником той же сакрализации» [11, с. 288].

Политическая аргументация этого языка, в свою очередь, опиралась на комбинацию доводов о божественном происхождении власти (провиденциализм – утверждение о том, что источником всей власти непосредственно является Бог) и риторической сакрализации монарха (вплоть до уподобления демиургу) средствами барочного панегирика. Творцами этой манеры политической речи выступили крупнейшие проповедники и ораторы петровской эпохи, такие, как Стефан (Яворский) и Феофан (Прокопович), однако в полной мере она была развита и фактически превращена в систему легитимации власти в эпоху Елизаветы Петровны. Именно тогда настоящий поток придворных проповедей на политические темы, безотлагательного выходявших в печати крупными тиражами [6], утвердил петровский «культ» в качестве политической константы отечественного политического мышления. Образ царя-преобразователя Петра Великого, один из ключевых образов всей концептуальной вселенной России Нового времени, в громадной степени создавался именно средствами придворной проповеди. Стараниями проповедников крупнейший феномен российской истории, представлявший собой болезненный разрыв с предшествующей культурной традицией – петровские преобразования – получал осмысление в рамках взгляда на российскую исключительность, связанного еще с позднесредневековыми религиозными текстами. Реформы по западному образцу теперь представляли лишь проявлениями божественной мудрости царя-демиурга.